

18+

Михаил Кривцов

За свою Правду!

Михаил Кривцов
За свою Правду!

«Издательские решения»

Кривцов М.

За свою Правду! / М. Кривцов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964025-3

В книгу вошли: повесть о самом до сих пор замалчиваемом событии Гражданской войны в России — восстании рабочих ижевского и воткинского заводов против большевиков, а также ряд эссе и стихов о революции, Гражданской войне, их причинах и последствиях.

ISBN 978-5-44-964025-3

© Кривцов М.
© Издательские решения

Содержание

За свою Правду!	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

За свою Правду!

Михаил Кривцов

© Михаил Кривцов, 2019

ISBN 978-5-4496-4025-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

За свою Правду!

*В кровавой бойне мировой
Бессмысленной войны
Убийц готовят короли
И русские цари.
Ты был наивный паренёк,
Над книжкою мечтал,
Прекрасной даме мадригал
В тетрадку ты писал.
Гаврила Принцип – террорист
В Сараево стрелял.
Кликуш безумных русский царь
Безвольной жертвой стал.
И вот, ты, брошенный в окоп,
Готов бежать в штыки
На бастион, под пулемёт.
О Боже, помоги!
Романтик должен озвереть
И предъявить свой счёт.
Так цепи рабства разорвёт
Ужасный зверь – народ.*

Сонный уездный городок копил зажиточный жирок – умели жить купчины и купчишки – кому надо свезли в столицу подношение и железнодорожная магистраль, связавшая империю из конца в конец – от Балтийского моря до Тихого океана, прошла через их город на берегу большой реки, где они уже давно обзавелись своими пароходами. И делали они спокойно свой гешефт и имели с него хороший профит, снабжая всю Сибирь своими знаменитыми скрипучими сапогами и подобрав хлебную торговлю среднего Прикамья под свою биржу. И строили они со своих доходов особняки, похожие на небольшие дворцы, и дачи в стиле модерн и на развитие города у них после этого оставалось – и на дизельную электростанцию и на водопровод и на женскую гимназию с первым в стране реальным училищем, тоже. И ни какие геополитические катаклизмы не могли этому помешать – по причине удалённости сего богоспасаемого града от государственных границ. Но пришла из столиц война гражданская и прокатились её фронты по Сарапулу аж несколько раз и пострадал в той кровавой каше каждый четвёртый житель и, в основном, не от контрразведок враждующих армий, а от соседей, сводящих старые счёты и вымещавших давние обиды под барабанный бой классовой борьбы – волокли просто в ближайший лог и там кончали – в меру своей садистской фантазии.

И вот прошёл с той поры целый век и стёр из памяти многое, а многое и специально замалчивалось – по причине несоответствия официальной картине диктатуры победившего пролетариата. Это я о восстании ижевских и воткинских рабочих против большевиков, которое коснулось краем и Сарапула, к уезду которого оба завода и были приписаны.

Без малого три четверти прошедшего века гражданская война прославлялась, как время революционных героев и их лихих подвигов, но кому то довелось тогда просто выживать, детей растить, а кто то и любовь свою тогда встретил и молил Бога уберечь её от пули.

Александр – молодой человек среднего роста с кавалерийскими усиками и в военной форме без знаков различия шёл прогулочным шагом по тенистой улочке, поглядывая время от времени на меняющиеся цвета заката.

Ещё один день идёт к концу, проведённый в прогулках вдоль Камы, в осмотре творений вятского архитектора Чарушина и его столь же даровитых коллег – одних церквей больше двух десятков, в беседах с обывателями о столичной политике и о местных слухах, посещении лавок и других заведений для приличной публики, где ему не довелось много потратить – по причине ограниченности своих средств. А в неприличные заведения, коих в городке тоже хватало, уже не тянуло, поскольку в сердце его поселилось нежное чувство к доброй и скромной сестре милосердия из местного госпиталя – Леночке, благодаря заботам которой он встал на ноги много раньше, чем ожидали доктора.

Александр не был кадровым военным – до войны он преподавал французский и немецкий языки в Тобольской гимназии и пописывал временами в местной газете. Поддавшись общенациональному порыву в 1914-м году, он записался в вольноопределяющиеся, закончил краткосрочную школу прапорщиков, но благодаря своему деду – сибирскому казаку он с детства стал лихим наездником и с учётом этого был направлен в драгунский полк с присвоением звания корнета, что уже соответствовало подпоручику в пехоте. Что вызвало определённое недовольство однополчан – выпускников юнкерских училищ, но юный филолог быстро заслужил среди них популярность своей лихостью, став охотником за языками и «перепав» с этой целью тылы супротивной австрийской дивизии. Ему долго везло, пока бутылочная бомба, брошенная его подчинённым без должной выдержки после вырывания кольца, не была возвращена венгерским гонведом назад с последующей контузией и несколькими осколочными ранениями. И было бы это для корнета совсем фатально, если бы неудачливый гранатомётчик не прикрыл командира собой в последний момент. А так, привезли его в тыловой госпиталь, подлечили, отпуск по ранению дали. Пока был на излечении, получил письмо о смерти единственного оставшегося близкого родственника – отца. Поэтому он решил провести весь отпущенный на восстановление сил срок поближе к своей пассии.

Вот и небольшой дом – обшитый досками пятистенник, в котором он снимает комнату у местного интеллигента – телеграфиста Николая. Пройдя скрипучую калитку и погладив на крыльце ласковую хозяйскую собачёнку, Александр открыл дверь в сени и прошёл к своему временному обиталищу – за дверной ручкой торчала свежая газета. «Какой разлюбезный у меня лендлорд!» – отметил квартирант.

Войдя в комнату и повесив свою фуражку на вешалку у двери, наш герой усаживается на диван и, развернув газету, углубляется в чтение. Спустя какое то время раздаётся стук в дверь.

– Входите, не заперто!

Входит Николай в форменной одежде связиста.

Здравия желаю, господин корнет! –

Добрый день, Николай Васильевич. Я положил вам на бюро сажень керенок – за мою комнату. –

– Напрасно беспокоитесь, друг мой. Не в моих правилах наживать на служивых людях, проливших свою кровь за Отечество. Что продали на сей раз, если не секрет?

Не поверите. Плачу с гонорара – честно заработанное. –

Вот как! И какой же из своих талантов вы употребили? –

Даю частные уроки французского соседу Максиму. Дабы наша прекрасная Елена не огорчалась неудачами, которые её братец носит из реального училища. –

Дело сие богоугодное. А что нового пишут в газетах? —

Новости весьма любопытные – из Казани. Прогнали чешские legionеры большевиков и болтуны из учредиловки уже делят власть. А о чём стучит телеграф? —

Много чего стучит. Властей теперь в России-матушке много и все грозные. Вот, на ижевском заводе некий «Союз фронтовиков» взял большевиков в совете за лацканы. —

Любопытно! Бросили герои фронт, но замашки свои митинговые, как и оружие, с собой привезли. —

Посетил я, давеча, большевистский митинг – орут благим матом о гидре контрреволюции. Все комиссары приبلудные. Один Седельников местный – с детства его знаю, как отъявленного хулигана и хама. —

Не на долго их хамская власть. Квалифицированным рабочим их уравниловка нужна, как собаке палка. Знаю я сколько получали они на казённом заводе при государе-императоре. Прости, Господи, этого болвана. —

Забыли его все в Екатеринбургском изгнании. Не нужен он никому. Все сейчас от имени народа на власть претендуют. Вот и наш сосед Клим в совете представляет. —

Неплохой он парень – грамотный. Зря он якшается с этими проходимцами – ведь повесят их скоро. А хороший механик на железной дороге любой власти нужен. —

Раздаётся стук в дверь. Николай её открывает и видит молодую хорошенькую соседку – Елену.

Здравствуйте, соседushка. Пожалуйста войти. Давно вас не видели. Всё на дежурствах пропадаете в своём госпитале. Побледнели от утомления, но по прежнему хороши. —

Александр встаёт, подходит к Елене и целует ей руку.

Бонжур, мадмуазель. —

Елена делает шутливый реверанс.

– Бонжур, месье. Как наш шалопай? Не безнадёжен?

Бойкий юноша. Однако, его французского я, пока, не понимаю. —

Со временем вы найдёте общий язык. Я в этом уверен. Довелось наблюдать с каким интересом он расспрашивал вас о вашем „Парабеллуме“» – вмешивается в их беседу телеграфист. «Негодный бездельник! Расскажу маме – она ему задаст!» – возмущается Елена.

«Вы ещё не сказали нам, чему мы обязаны вашим визитом?» – интересуется домовладелец.

Елена всплёскивает руками.

– Ах, да! Мама приглашает вас на ужин. Приготовили, что Бог послал. Не обессудьте.

– А я паёк на станции получил и охотно с вами поделюсь.

Ну, что вы! Спасибо. —

И вся компания покидает комнату. При этом Александр придерживает дверь, пропуская Елену и успев при этом что то нежно шепнуть ей на ушко.

Революция добралась до Сарапула и сильно его изменила – он перестал быть чистым, уютным и безопасным, хотя вид на его раскинувшиеся по холмам кварталы и оставался живописным, если не приглядываться к деталям.

Дворникам перестали платить жалование, но никто не мешал им теперь пьянствовать, орать на митингах о прежнем угнетении и потихоньку марадёрствовать.

Ещё недавно, любое новое лицо в городе привлекало внимание, в том числе и следивших за порядком полиции и жандармерии, упразднённых ныне вместе с царской властью. А теперь город превратился в военный лагерь для, мало имеющей представлений о дисциплине, вооружённой разноязыкой орды, включающей латышей, венгров и даже чёрт знает откуда взявшихся китайцев, обряженных в фантастическую смесь элементов форменной и гражданской одежды.

Зажиточная жизнь кончилась – пришло время экономии. Российский рынок развалился – возить партии обуви в Сибирь потеряло смысл – никто бы их не оплатил. Да и денег надёжных не стало – большевистские дензнаки и керенки котировались ещё ниже старорежимных ассигнаций. Керенки, вообще, мог печатать любой желающий, имеющий доступ к типо-

графии – никаких степеней защиты они не имели. Их даже не разрезали на отдельные купюры – просто при расчёте отрезали от листа нужную сумму. Какое то количество обуви ещё производилось и позволяло выменивать на неё продукты. Хотя мастеров, способных полностью её пошить самостоятельно, в Сарапуле всегда было не много – и надомное производство предусматривало разделение труда на отдельные операции с передачей по технологической цепочке из дома в дом: кто специализировался на выкройке заготовок для верха обуви, кто подмётки вырезал, кто каблуки вырубал, кто верх тачал, кто подмётки прибавал. Голодать, как в крупных городах, не приходилось – у многих были огороды и родственники в близлежащих деревнях. У каждого в доме печка и лес вокруг города – тащить в дом железные «буржуйки» и топить их мебелью было не нужно.

Больше тяготили царящие вокруг произвол и насилие – революционное правосознание дорвавшихся до власти и оружия психопатов. В то благословенное для серийных маньяков время любой из них мог стать комиссаром или атаманом. А уж что мог тогда получить педофил за корочку хлеба и место у печки от умирающих от голода и холода беспризорников?

Зато каждый недоучившийся полуинтеллигент – краснобай мог рискнуть выбиться в новые дантоны – робеспьеры.

Получил свой шанс и железнодорожный механик Клим – простой, честный парень, ещё донашивающий тельняшку – после срочной службы на Черноморском флоте. Начитавшись в отрочестве дешёвых сытинских изданий Майн Рида и Гюстава Эмара, он продолжал бредить благородными подвигами, не находя, до недавней поры, выхода своим героическим порывам. Но вот революция открыла все двери, а пара прочитанных брошюр с популярным изложением марксистских идей открыла глаза на классовую борьбу и дала ему право и обязанность вести за собой тех, кто читать не умел. Ему сразу понравилось орать на митинге из толпы, а потом и с трибуны. Его заметили и кооптировали в уездный совет. Но не спешите его осуждать – ведь многие из нас прошли через подобное в конце восьмидесятых – начале девяностых годов того же двадцатого века. А наши хохластые небратья находятся в подобном ментальном статусе, вообще, перманентно. Тем более, что в дальнейшем нашем повествовании ему будет не сладко, а в 1937 году его вообще расстреляют – за недостаточную гибкость и излишнюю принципиальность. Так что отнесёмся к нему если не с сочувствием, то с пониманием.

Вечером, возвращаясь на квартиру, Александр встречает идущего к нему Клим с корзиной в руке и приглашает его войти. Клим ставит на пол свою корзину и продолжает беседу: Отец велел отнести вам гостинец. Уж очень вы напомнили ему его командира в балканском походе». «

–Спасибо вам с батюшкой. Совсем я в бедность впал, в это нелёгкое время. Пока я в отпуске по ранению был, армия российская приказала долго жить и довольствие мне платить теперь некому.

Вот и шли бы на службу в Красную армию. Там военспецы очень нужны. —

Увольте. Ваш Ленин изменник-пораженец и погубитель нашего Отечества. —

Я с вами совершенно не согласен, но уважаю ваше мнение. Однако, согласитесь, что Керенский был пустой болтун, а Ленин решил аграрный вопрос и дал самоуправление рабочим.

—

А теперь продотряды отбирают у крестьян урожай и на рабочих трудовая повинность. Загонят они вас в крепостное право и будете вы на их произвол бесплатно работать. —

Рабоче-крестьянское правительство трудится на благо трудового народа. —

И кто же в этом правительстве рабочий? А кто, если не секрет, там крестьянин? —

–Но они за народ шли на каторгу и в ссылку!

И на каторге и в ссылке много разных воров и бандитов. Вы образованный человек, Клим. Вам не по-пути с этими проходимцами. На ижевском и воткинском заводах кадровые рабочие восстали против уравниловки и произвола большевиков. Пора вам решать с кем вы. —

Я за советскую власть до конца. За нами правда и марксистская наука. За нами будущее и за свободу трудящихся всего мира почётно погибнуть. —

—Удивительный вы человек, Клим. Я этих трудящихся на той стороне фронта видел и они стреляли в наших солдатиков — таких же трудящихся.

Их обманули капиталисты! —

А вас обманывают комиссары. Они с вами в очередях не стоят и стоять не собираются. Так и будете работать в обмен на их обещания? —

Не знаю, как вас убедить, но душой чувствую, что правда за нами. Народ долго терпел и заслужил лучшую жизнь! —

Вот только комиссары ваши из другого народа. —

Они интернационалисты. —

То есть — приبلудные. —

После деликатного стука в дверь и приглашения от квартиранта входит домовладелец со словами: Опять у вас диспут? А я вот самогоном на станции разжился. К столу, товарищи»! «

Революция — революцией и гражданская война — войной, а жизнь продолжается: старики болеют, молодые женятся и детей рожают, а дети растут — есть просят и заботы требуют.

Золотое время детства — летние каникулы и не ясно ещё — будет ли следующий класс осенью — в школах странные личности, увешанные оружием, устраивают свои толи штабы — толи шалманы.

Реалист Максим — брат Елены набегался за день с приятелями по городу и по его окрестностям, покатался на лодке по сверкающей на солнце красавице Каме и полный впечатлений, с карманами набитыми стреляными гильзами и другими нехитрыми мальчишескими сокровищами, трусит приблизительно по направлению к дому и, хотя голод уже подводит живот, всё же решает не упускать случая повидаться с интересным человеком, в надежде разговорить его на очередной рассказ о войне и заодно поделиться новостями.

Александр, сидя за столом, чистит пистолет. Раздаётся стук в дверь. Александр накрывает детали пистолета тряпкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.